

РОЛЬ ИРАНА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИИЗРАИЛЬСКОЙ ОСИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ХЕЗБОЛЛА, ХАМАС, «ИСЛАМСКИЙ ДЖИХАД»

В. В. Титов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 августа 2025 г.

Аннотация: исследуется роль Ирана в формировании и поддержке антиизраильской «оси сопротивления», объединяющей «Хезболлу», ХАМАС и «Исламский джихад» в 2020–2025 гг. На основе неореалистического подхода, концепции прокси-войн и анализа открытых источников автор выделяет политико-дипломатические, информационные и гуманитарные механизмы иранского влияния, показывая, как Тегеран легитимировал помощь через внутреннее законодательство и двойной трек «МИД – КСИР». Показано, что коалиция достигла сетевой синхронизации действий, позволяющей за часы увязывать ракетные залпы, кибератаки и дипломатические шаги, тем самым создавая для Израиля эффект «избыточного сдерживания» при минимальных расходах Ирана. Выводы полезны для прогнозов ближневосточной безопасности и корректировки санкционной политики в отношении ИРИ и связанных с ней структур.

Ключевые слова: Иран, ось сопротивления, Хезболла, ХАМАС, «Исламский джихад», прокси-война, ближневосточная безопасность, КСИР, политико-дипломатические механизмы, избыточное сдерживание, антисионизм, информационная война, Красное море, санкционная политика.

Abstract: the article examines Iran's role in creating and sustaining the anti-Israeli «Axis of Resistance» that unites Hezbollah, Hamas, and Palestinian Islamic Jihad during 2020–2025. Using a neorealist framework, the proxy-war concept, and open-source analysis, the author identifies Iran's political-diplomatic, informational, and humanitarian instruments of influence and shows how Tehran legitimized its assistance through domestic legislation and a dual Ministry of Foreign Affairs – IRGC track. The study demonstrates that the coalition has achieved network-level synchronization, allowing rocket salvos, cyber-attacks, and diplomatic moves to be linked within hours, thereby imposing an «over-deterrence» effect on Israel at minimal cost to Iran. The findings are relevant for forecasting Middle Eastern security and refining sanctions policy toward the Islamic Republic of Iran and its affiliated entities.

Key words: Iran, Axis of Resistance, Hezbollah, Hamas, Palestinian Islamic Jihad, proxy warfare, Middle Eastern security, IRGC, politico-diplomatic mechanisms, over-deterrence, anti-Zionism, information warfare, Red Sea, sanctions policy.

Активная эскалация палестино-израильского конфликта в 2023–2025 гг., связанная с вторжением в Израиль боевиков палестинского движения ХАМАС, массовым захватом заложников, повлекшая ответные крупные и кровопролитные боевые операции Израиля и полное разрушение густонаселенного палестинцами сектора Газа, вновь выдвинула Иран в центр внимания как ключевого архитектора многоуровневой «оси сопротивления», объединяющей шиитские и суннитские вооруженные движения – ливанскую «Хезболлу», палестинские ХАМАС и «Исламский джихад». В условиях трансформации региональной безопасности Ближнего Востока, официального сближения ряда арабских государств с Израилем и переформатирования глобальной системы

противостояний, роль Тегерана в поддержке антиизраильских акторов приобретает принципиальное значение как для государственных стратегов, так и для академических исследователей. Целью статьи является исследование роли Ирана в формировании антиизраильской «оси сопротивления» в лице парамилитарных формирований – «Хезболлы», ХАМАСа и «Исламского джихада» в 2020–2025 гг.

Степень научной разработанности проблемы остается фрагментарной. Большинство работ концентрируется либо на ирано-израильском противостоянии в целом, либо на отдельных кейсах «Хезболлы» и ХАМАС. Комплексные исследования именно политических механизмов, посредством которых Иран формирует и координирует межорганизационную сеть сопротивления, представлены ограниченно; чаще всего они разбросаны по специализированным докладам исследовательских центров и не структурированы в единую аналитическую модель.

Победа Исламской революции радикально изменила внешнеполитический компас Тегерана: если до 1979 г. шахский режим последовательно сотрудничал с Израилем, то новое руководство объявило «освобождение Палестины» ядром своей государственной идеологии. Уже 7 августа 1979 г. аятолла Рухолла Хомейни провозгласил последнюю пятницу Рамадана Днем аль-Кудс, приравняв поддержку палестинцев к религиозному долгу всех мусульман [1]. Одновременно в мае 1979 г. был создан Корпус стражей Исламской революции (КСИР) с мандатом «экспортировать революцию» за пределы страны; к концу 1981 г. элитное подразделение «Кудс» уже курировало связи с ливанскими шиитами, закладывая фундамент будущей «Хезболлы» [2]. Концепт «mostazafin» – «угнетенных» – позволил Тегерану интерпретировать палестинскую проблематику как универсальный знаменатель борьбы против «сионизма и западного империализма», тем самым легитимируя вмешательство в дела государств, где проживают шиитские и маргинализированные суннитские сообщества.

К рубежу 1990–2000-х гг. первоначальная риторика «экспорта революции» эволюционировала в доктрину «оси сопротивления» – гибридную сеть союзов, объединяющую шиитскую «Хезболлу», суннитские ХАМАС и «Исламский джихад», а также йеменских, иракских и сирийских прокси-формирований. Стратегический ход Тегерана заключался в смещении акцента с конфессиональных различий на единую антисюнистскую идентичность: лозунг «Освобождение Иерусалима» превращался в площадку для символического примирения суннитов и шиитов [3].

Российские исследователи подчеркивают, что к середине 2020-х гг. «ось сопротивления» стала крупнейшей негосударственной коалицией на Ближнем Востоке, способной синхронизировать атаки в Ливане, Газе, Сирии, Йемене и Ираке при сохранении стратегического руководства из Тегерана [4]. В этом смысле палестинская повестка является не только идеологическим ресурсом, но и операционным связующим звеном, создающим «коридор давления» на Израиль от Красного моря до Голанских высот.

Дипломатия Ирана осуществляется через посольства в Сирии, Ливане и Катаре, участвующих в регулярных встречах с политбюро ХАМАС и руководством «Исламского джихада». Одновременно МИД курирует ежегодную «Тегеранскую конференцию в поддержку Интифады», где представители всех трех движений выступают совместно, что повышает статус Ирана как «главного модератора» Палестинской проблемы. В сфере неформальной дипломатии решающую роль играет спецподразделение «Кудс»: его командиры ведут «шатровые» переговоры с лидерами группировок на сирийско-ливанской границе, а в экстрен-

ных ситуациях – в Бейруте и Дохе. Рассекреченные материалы об осеннем раунде перемирия 2024 г. подтверждают, что гарантами соглашения по обмену пленными выступали именно офицеры «Кудс», а не дипломаты МИД [5]. Политический эффект двойного трека (официального и теневого) создает возможность быстро трансформировать договоренности в пакет финансирования и военных консультаций без бюрократических задержек.

Ключевыми ретрансляторами нарратива «оси сопротивления» остаются англоязычный Press TV и арабоязычный Al-Alam; оба канала финансируются госбюджетом ИРИ и входят в холдинг IRIB¹. Их редакционные политики синхронизированы с медиаподразделениями «Хезболлы» (Al-Manar) и ХАМАС (Quds News). На пике боев в Газе (октябрь 2023 г.) суточный объем арабоязычного контента о «сионистской агрессии» вырос вдвое против среднего показателя 2022 г., а пресс-релизы МИД ИРИ публиковались с трехминутной задержкой после эфира Al-Alam, фактически превращая телеканал в «вторую пресс-службу» внешнеполитического ведомства. Политико-дипломатические каналы (МИД + КСИР) образуют систему, в которой официальная дипломатия легализует присутствие Ирана в палестинском досье, а «медиащит» обеспечивает нарративную монополию и скрытое давление на израильское общество и его союзников. Именно эта связка превращает «ось сопротивления» из разрозненной сети прокси в управляемый фронт, сохраняя для Тегерана пространство правдоподобного отрицания прямого участия. Что касается непосредственно вооруженных сил ИРИ, то их численность составляет, по различным данным, от 540 до 900 тыс. человек, из которых от 450 до 670 тыс. насчитывается в сухопутных войсках (Армии и КСИР), почти от 70 до 100 тыс. – в ВВС², от 35 до 45 тыс. в ВМС³, а также около 135 тыс. – в ССБ⁴ и около 25 тыс. – в ССН⁵ «Кодс» [6]. Посол ИРИ в РФ доктор Мехди Санай в своем блоге писал, что личный состав Армии составляет 700 тыс. человек. Разброс данных объясняется практически абсолютной закрытостью в ИРИ темы, касающейся вооруженных сил. Различные иранские источники приводят неоднозначные сведения о численном и боевом составе иранских ВС, а также о количестве вооружений и боевой техники. Для сравнения, перед началом ирано-иракской войны в сентябре 1980 г. личный состав

¹ Холдинг IRIB (Islamic Republic of Iran Broadcasting) – это государственная телерадиовещательная компания Исламской Республики Иран. Она является крупнейшей медиаорганизацией в Азии и монополизирует радио- и телевидение в Иране.

² ВВС – Военно-воздушные силы.

³ ВМС – Военно-морские силы.

⁴ ССБ – Служба собственной безопасности.

⁵ ССН – Силы специального назначения.

вооруженных сил ИРИ составлял всего 220–240 тыс. человек [7]. При всей масштабности ВС ИРИ по уровню научно-технологичной оснащенности они по этим характеристикам не идут ни в какое сравнение с вооруженными силами Израиля и США. Осознавая это, Тегеран делает упор в развитии своих вооруженных сил на ракетные войска и беспилотники. Поэтому сегодня ракетные войска и подразделения БПЛА⁶ составляют главную ударную мощь вооруженных сил Исламской Республики Иран.

Трехлетний эскалационный цикл превратил «ось сопротивления» из набора разрозненных прокси-структур в реальный красугольный камень ближневосточной безопасности. Две особенности определяют ее нынешнее влияние.

Во-первых, с июня 2025 г. коалиция действует как комплексная система сдерживания. Израиль вынужден распределять ресурсы сразу на север, юг и восток, а также держать силы ВМФ⁷ в Красном море. В экономике это выглядит парадоксально: каждая тысяча долларов, потраченная Тегераном на поставки ракет «Хезболле» или ХАМАС, порождает на порядки более крупные издержки израильской ПРО⁸ и мобилизационных мероприятий. Таким образом, «ось» стала для Ирана самой дешевой формой обороны: вместо прямой войны он экспортирует неопределенность, которая постоянно «съедает» бюджеты оппонентов.

Во-вторых, прокси получили сквозную операционную синхронизацию. Пуск баллистической ракеты из Ирана немедленно дублируется залпами из Ливана и Газы, а в киберпространстве его сопровождает атака на гражданские сервисы Израиля. Пауза между событиями сократилась до нескольких часов – это уже ближе к сетцентрическим операциям регулярных армий, чем к стихийным действиям подполья.

Весной–летом 2025 г. йеменские хуситы демонстративно «закрыли» Красное море, досмотрев или повредив почти два десятка судов. Судходные компании тут же подняли страховые ставки, а ЕС был вынужден развернуть военно-морскую миссию «Aspides» [5]. Иран формально не участвовал, но автоматически стал необходимым адресатом всех переговоров о деэскалации – без его согласия остановить хуситов невозможно. Получается исключительная дипломатическая позиция: Тегеран остается под санкциями, но парадоксальным образом входит в число главных гарантов региональной стабильности. Западные санкции, расширенные в 2024–2025 гг., не изменили фундаментальную логику. Удары по финансовым цепочкам «Хезболлы» усложняют транзакции, но не блокируют поставки: Иран давно

использует теневой флот и платежные узлы в Юго-Восточной Азии. Для ЕС⁹ дилемма еще сложнее: усиление давления на Иран совпадает с растущей потребностью в ближневосточном газе, поэтому санкции остаются малоэффективными и дают Тегерану пространство для маневра.

Таким образом, Иран выступает системным интегратором «оси сопротивления», превратив идеологически разнородные движения («Хезболла», ХАМАС, «Исламский джихад») в управляемую политико-операционную сеть. Основой этой сети стала не только военная поддержка, но и политико-дипломатическая стратегия, в том числе через взаимодействие МИД ИРИ и КСИР. Такой подход позволяет Тегерану вести активную внешнюю политику при ограниченных вложениях, что делает его форму «дешевой обороны» высокоэффективной. В будущем наиболее вероятным сценарием остается продолжение непрямой конфронтации, при которой конфликт будет периодически вспыхивать, но в конечном итоге не будет приводить к полномасштабной войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. В. Проблема освобождения Палестины как концепт политики панисламизма в мировоззрении Имама Хомейни / А. В. Баранов // История и историческая память. – 2016. – № 13–14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-osvobozhdeniya-palestiny-kak-kontsept-politiki-panislamizma-v-mirovozzrenii-imama-homeyni>
2. Сажин В. И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве / В. И. Сажин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpus-strazhey-islamskoy-revolutsii-irana-gosudarstvo-v-gosudarstve>
3. Ирина Е. Ф. Эволюция внешней политики 1979–2024 / Е. Ф. Ирина // Восточная аналитика. – 2024. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vneshney-politiki-iri-1979-2024>
4. Федорченко А. В. Ось сопротивления: структура и динамика / А. В. Федорченко, А. В. Крылов // Ближний Восток в фокусе политической аналитики: сборник научных трудов: к 15-летию Центра ближневосточных исследований / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований, Центр ближневосточных исследований. – М.: ИМИ МГИМО, 2019. – С. 221–240.
5. Соловьева О. Кризис в Красном море угрожает торговле объемом 2 трлн долл. / О. Соловьева // Независимая газета. – 19 марта 2025 г. – URL: https://www.ng.ru/economics/2025-03-19/1_9216_crisis.html
6. Журнал «Зарубежное военное обозрение» (2004–2017 гг.). The Military Balance 2017– IISS – The Interna-

⁶ БПЛА – беспилотный летательный аппарат.

⁷ ВМФ – Военно-морской флот.

⁸ ПРО – противоракетная оборона.

⁹ ЕС – Европейский союз.

tional Institute for Strategic Studies, London, 2016, 2017, 2018 и другие издания.

7. Сажин В. Иран – Израиль : эскалация конфликта / В. Сажин // Аналитика Российского совета по междуна-

родным делам. – 2025. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-izrail-eskalatsiya-konflikta/>

Воронежский государственный университет

Титов В. В., аспирант кафедры социологии и политологии

E-mail: vlad_millennium@mail.ru

Voronezh State University

Titov V. V., Post-graduate Student of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: vlad_millennium@mail.ru